

„Гегель“ 12 сент.

1971 г. № 37.

У ТЕАТРАЛЬНОГО критика Натальи Крымовой свое особое призвание: находить в искусстве человека. В ее новой книге «Имена»* собраны портреты людей театра, и любой из них — будь то почти неизвестная Зоря Дановская или широко известный Сергей Юрский — открытие.

Да, рассказывая о них, Крымова всякий раз совершает открытие. Открытие не просто роли, спектакля, таланта, но шире — человеческой индивидуальности. Перед нами маленькая, но драгоценная коллекция, собранная критиком за прошедшее десятилетие. Люди отчетливо разные, подчас словно спорящие друг с другом (как «спорят» меж собой портреты Олега Ефремова и Юрия Любимова), но объединенные одним: творчеством.

Критик зафиксировал момент осуществления человека в его лучшую пору. Будут другие моменты, возможно, не менее счастливые, но эта пора уже прошла, а портрет останется жить. Ибо в нем схвачена жизнь в высшей точке ее кипения.

Портреты написаны просто, до-

ДЕВЯТОЕ ИМЯ

ходчиво, умно. Автор естественно вводит нас в особый мир героя, для того чтобы мы почувствовали, как много значит личность в искусстве. Сделав это, он передает читателю свою веру в человека: все равно, знали вы до этого режиссеров Каарела Ирда, Юозаса Мильтиниса, Вольдемара Пансо или услышали о них впервые, теперь — по воле Крымовой — это ваши друзья, единомышленники.

Поначалу кажется, что восемь имен выбраны наугад, произвольно. Но если вдуматься, в каждом из них — свой фокус, остановленный момент общей динамики настоящего искусства. И хотя, как правильно замечает автор, никто «не может угадать наверняка, где и когда это настоящее искусство появится», очень важно не прозевать сам момент рождения. Где бы и когда бы это ни произошло, Крымова устремляется туда и становится его пропагандистом, сподвижником. Не в этом ли и состоит предназначение людей, пишущих о театре?..

Впрочем, все это не стирает строгости, не заглушает голос самого автора, добрый, но неуступчивый. Кроме восьми чужих портретов, Крымова невольно написала девятый — свой. С вами говорит талантливый и живой собеседник, и вы его присутствие все время ощущаете.

В последнем очерке авторский лирический подтекст проступает открыто. И, конечно, не случайно: ведь здесь идет речь о профессии критика. Нет, больше — о высоком примере достоинства человека, каким был и остался для Натальи Крымовой и для всех, кто вместе с ним когда-то работал, критик Владимир Саппак, «добрый человек с Пятницкой улицы».

«...Критик, зачем ты? Какое у тебя сквозное действие?» — спрашивает Крымова. Прочитав ее книжку, мы можем ответить: открывать и утверждать талант человека.

Марианна СТРОЕВА,
доктор искусствоведения.